

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Т 19

ТАРАКАНОВ Сергей Борисович
Алмазный полонез / Сергей Тараканов ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2016. – 28 с., фото, ил.

Сергей ТАРАКАНОВ

Алмазный полонез

Новокузнецк
2016

©Тараканов С. Б., 2016
Фото С. Загнухина
На первой странице обложки – портрет Михаила Огинского
кисти французского художника Ф.-К. Фабра (1808)

Тараканов Сергей Борисович родился 3 апреля 1952 г. в г. Свердловске. Закончил исторический факультет Томского университета в 1975 г. В Новокузнецк приехал в 1977 г. Преподавал историю в Кузбасской государственной педагогической академии. Сейчас на пенсии. Живёт в Бресте (Республика Беларусь).

В КЛФ «Контакт» пришел в ноябре 1987 г. Первая публикация – рассказ «О бедном драконе замолвите слово...» – в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г.

В 1953 году Николай Заболоцкий написал своё замечательное стихотворение «Портрет», обратившись к своим братьям по перу со странной на первый взгляд просьбой:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас.

Её глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Её глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потёмки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Её прекрасные глаза.

Действительно, неужели поэты живопись не любят и их надо к этому призывать? Откуда такое определение? На самом деле всё очень точно, и русская поэзия к живописи, да и к архитектуре относилась равнодушно. Например, русские символисты её вообще ненавидели, иногда делая исключения для близких им по духу художников, как Александр Блок по отношению к Михаилу Врубелю. Конечно, фантастическое богатство русской поэзии позволяет, вероятно, найти стихи обо всех художниках мира. Некоторые же из них вообще вызывали особый интерес, особенно почему-то полюбился Ван Гог. В частности, последний поэт Серебряного века, как его назвали в некрологе, Арсений Тарковский неожиданно чувствовал здесь свою вину:

... Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог.
... За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться...

Художник умер за 17 лет до рождения поэта! Так что есть надежда, что Тарковского он простил... Перед своим самоубийством художник отрезал себе ухо, и из его «ушей» можно целое ожерелье сделать, как в стихотворении участника знаменитого СМОГа Юрия Кублановского: «...это же надо отважиться рабское ухо отсечь!» Как известно, Антон Павлович Чехов, по его словам, «всю жизнь по капле выдавливал из себя раба». Может, французский художник решил это сделать быстрее и радикальней, но не успел!

Интересовали же наших поэтов Пиросмани, Чюрленис, Рублёв, Рерих, ранее упоминаемый Врубель... Вот, пожалуй, и всё.

Близка же русской поэзии оказалась музыка. Кстати, вопреки своему собственному призыву, тот же Заболоцкий свои стихи посвятил всё-таки Бетховену и Равелю! И даже в своей гениальной поэме «Рубрук в Монголии» сравнил две цивилизации так: «Здесь пели две клавиатуры на двух различных языках».

Возможно, что это объясняется тем, что русская музыка раньше обрела свои национальные корни, чем живопись, – в лице Михаила Глинки. Живописи же пришлось ждать ещё почти полвека, до передвижников. Но скорее всего причина другая – русский язык сохранил (впрочем, как и украинский, белорусский, соседний литовский и, пожалуй, только итальянский) свои древние индоевропейские звукоизобразительные основы. Хотя кто его знает... Русская культура хранит много загадок... Показателен и тот факт, что нет антологии русских стихов о живописи, о музыке же выходило их три, включая трёхтомную «Музыку в зеркале поэзии». Очень интересен расклад этих стихов. Отношения между Польшей и Россией, да и двух народов, временами, – скажем деликатно, – сложные! Русская пословица гласит: «кто старое помянет, тому глаз вон!» Не помогает, вот и ходят в мире два циклопа, точнее, циклопихи, благо что сейчас общей границы между ними нет! Сейчас, кажется, высокие стороны как-то успокоились...

Тем не менее, Польше русская культура обязана, например, возникновением своей поэзии, пусть и через Украину и Белоруссию. И первым нашим крупным поэтом был Симеон Полоцкий, писавший и по-польски. И наши первые «западники» до Петра Первого были полонофилами... Тайную любовь к Польше хранил всю жизнь Николай Васильевич Гоголь, и хотя он воспел запорожских «лыцарей», хранящих

Украину, но в его повести казаки отличаются безумной храбростью в сражениях и пьяным разгулом в часы затишья! Попавший же в осаждённый город Андрий становится настоящим рыцарем, хотя и погибает позднее от руки отца... Восхищало наших литераторов и богатство польской культуры, до сих пор, мне кажется, мало известной...

Отсюда не случаен и такой любопытный парадокс – любимым композитором наших поэтов является Шопен. Ему посвятили стихи многие десятки поэтов, включая такие звёзды первой величины, как Анна Ахматова или Борис Пастернак. Замечу, что в советские времена даже не любящие классическую музыку слушали её в своей жизни минимум два раза! Это марш Мендельсона на своей свадьбе и траурный марш Шопена на собственных похоронах! Хотя, иногда, возможно, и не раз, как утверждает Игорь Шкляревский в стихотворении «Отражения»:

... Вот опять – в неизвестном году
я за собственным гробом иду.
Обнимаюсь и плачу с друзьями.
И зеваки плетутся за нами.

Сколько раз! я себя хоронил.
Лучший друг надо мной говорил.
Я стоял в стороне, улыбался...
В прошлом будущий день отражался...

Вторым, пожалуй, будет Бетховен, ставший в советские времена, так сказать, «своим» композитором, как, к примеру, красная гвоздика – «наш цветок». Причины для этого были разные, но главное – это его радостное приветствие бурным временам французской революции и высокая оценка его творчества первым вождём советского государства... Затем Бах, Моцарт, Скрябин, в последние годы вдруг несколько неожиданно вспомнили наши поэты Вивальди... Но не забыто в поэзии и имя Михаила Огинского.

Одним из первых поэтов написал о полонезе Виктор Алюшин в далёком Приамурье:

Полонез Огинского

В глухом краю, где ночь проходит немо,
Где спит олень, к земле склонив рога,
Огинского прощальная поэма
До боли мне сегодня дорога.
В ней нет тоски тунгусских истуканов;
Она грустит, печальна... Ну и пусть!

Бездумному веселью меж стаканов
Разумную предпочитаю грусть.
Уснут друзья. Умолкнет радиола.
Но почему-то верю наперёд,
Что вновь ко мне, едва касаясь пола,
Мелодия Огинского придёт.
Она придёт, конечно, ниоткуда.
И до рассвета не сомкну я век.
... Какое изумительное чудо
Нам подарил влюблённый человек.

Недавно умершего Андрея Вознесенского в разных некрологах называли великим поэтом, а один из писателей даже самым великим поэтом 20 века! Не буду называть имён, ибо там есть уважаемые мной люди, но отмечу, что стихи Андрея Вознесенского к поэзии отношения не имеют! Это был великий графоман, как и его некий странный антипод Евгений Евтушенко. Оба были воспевателями недавно погибшего режима, ухитряясь при этом выглядеть в массовом сознании его противниками... Вот для этого действительно нужен был великий талант! Не кощунствуй, ежели не веруешь, – заметил как-то Ежи Лец. Вознесенский веровал только в собственную гениальность! Отсюда его бесконечные кощунства, как, например, в поэме «Авось». Там, кстати, есть «Молитва Кончи Аргуэльо – Богоматери» с такими строками:

... Нелюбовь в ваших сводах
законочных.

Где ж исток?
Губернаторская дочка, Конча,
рада я, что сын твой издох!..

Конечно, от советских поэтов требовали «воинствующего атеизма» в довоенную эпоху, но потом подобное как-то незаметно стало необязательным... Таких же строк даже у Демьяна Бедного надо поискать! Конечно, «великий» поэт... Половины «стихов» поэта, особенно последних лет, читать вообще нельзя с их ненормативной лексикой и пустотой. Любопытно, что в последние годы летят на неё, ненормативную лексику, многие современные поэты, как мухи! Ещё бы, свобода слова и творчества... Говорю же я о Вознесенском потому, что он написал и про наш полонез в стихотворении 1980 года:

Сыграй мне полонез Огинского!
Дешевки хочется, огнистого.

В пошлятине и дешевизне
есть боль, отмеченная жизнью.

Мсти, мсти, мадмуазель Грушницкая!
За сверхлюдей, за ложь романов,
за полумесяцы брусничные
твоей помады на стаканах.

За всю судьбу нашу вокзальную,
за жить попытку истеричную,
за городок провинциальный,
опохмелившийся «Столичной».

И вдруг прервёшь свой визг
униженный,
упав на клавиши с локтями.
Такую чистоту увижу я,
глядящую в нас состраданьем!

Сквозь эту исповедь в отеле
вдруг понял я – почему именно
Он своё умершее тело
такой, как ты, доверил вымыть...

Ещё, ещё одну убили!..
Да! – будет Свет, а не группешник.
Да! – не случались, а любили.
Да! – королева, а не пешка.

Что тут скажешь? Разве что порадоваться за поэта, что он не «случался», а любил и даже счастливо избежал «группешника», сейчас, впрочем, называемого чаще «групповуха»... Замечу, что уже в первых строчках есть явная загадка... Поэту хочется «дешёвого, огнистого»! Вина, надо полагать, (в те годы это был «Солнцедар» за 92 копейки, включая стоимость посуды за 12 копеек), а, может, соответствующей любви... Но как к этому всему относится данный полонез, ума не приложу... Скорее всего, он просто притянут сюда только для рифмы, это вообще характерная особенность данного поэта...

По теории вероятности, если дать обезьяне пишущую машинку и неограниченное время, то она когда-нибудь наберёт все пьесы Шекспира! Человек, как известно, несколько выше обезьяны, и поэтому даже плохой поэт за долгую жизнь даст пару хороших стихотворений. Каким бездарным стихослагателем был, например, Алексей Сурков, но его «Землянка» будет жива, пока хранится память о великой войне. Вот и Андрей Вознесенский останется навсегда

своей песней «Ты меня на рассвете разбудишь» в исполнении Николая Караченцова, кстати, в текст поэмы сначала не входившей... И многие поэтом будут восхищаться, его, понятное дело, не читая...

Инна Лиснянская, вспоминая своё военное бакинское детство, написала в 1980 году свой «Полонез», который я приведу с некоторыми пропусками:

В окнах – школа, и до зарезу
Надоел ремонтный сезон,
Стук по кровельному железу
Нагоняет смертельный сон.

Догорают во мне события,
Дотлевают края небес,
И сквозь смерть не могу забыть я
Ни тебя, ни тот полонез.

... В школе музыка, в окнах море,
На исходе в мире война...
Поцелуй в пустом коридоре,
Дальше память затемнена.

Дальше в памяти – ни просвета,
Дни ракушками проросли,
И, как море от парапета,
Волны музыки отошли.

Грохот кровельного железа,
Но и в нём, и поверх него –
Отзвук дальнего полонеза,
Отсвет имени твоего.

В стихотворении не указано, что это полонез Огинского, но всё-таки это явно он! Дело в том, что это *единственное произведение* – и в этом его мировая уникальность, – которое, как сейчас говорят, в «бывшем советском пространстве» было известно всем, даже тем, кто классическую музыку терпеть не может... Или кому, как говорят в народе, медведь на ухо наступил! И запоминается он, опять-таки единственный в мире с первого слышания раз и навсегда... Хотя нет, пожалуй, сюда можно добавить «Танец маленьких лебедей» Чайковского, «Танец с саблями» Хачатуряна и «Шествие горного короля» Эдварда Грига, романс Евгения Доги из кинофильма «Случай на охоте»... Может, кто и дополнит список, ибо сужу, понятное дело, по себе...

Мир литературы жесток хотя бы идущим там «неестественным» отбором. Многие поэты остаются в литературе всего несколькими или даже одним стихотворением, как Фёдор Богданович Миллер, выпустивший в конце своей жизни 6-томное собрание сочинений. Осталось одно, но зато какое: «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять!» Зайчик этот жив до сих пор. Например, в 1978 году Юрий Левитанский выпустил книгу пародий о данном зайчике – такая прямо замечательная смехотерапия! Приведу отрывок под названием «Царевич» (Белла Ахмадулина) с обращением к нашему зайчику:

...О, не ступай за грань сковороды,
чтоб шкурка твоя добрая шипела,
в печальных очертаниях Шопена
приобретая видимость еды!

Опять Шопен – а куда же без него...

Но я хочу сказать о другом поэте – Александре Ревенко, также написавшем свой «Полонез Огинского»:

Сойдя с безоблачных небес,
Стоял над садом
Тихий вечер...
– Сыграй, Володя, Полонез... –
Сказал отец, ссутулив плечи.

Володя вынес свой баян
И у крыльца присел в сторонке.
Баян вздохнул, как великан,
В руках вихрастого мальчонки.

И заиграл,
Заговорил...
На всю округу пел и плакал...
Отец задумчиво курил
И вспоминал войну и Краков.

Расслышав рокот батарей
В певучем голосе баяна,
Он посмотрел на сыновей
Вдруг так взволнованно и странно –

Что замолчал в саду баян,
Прижалась мать к отцу, вздыхая...
И лишь двухлетний мальчуган
Смеялся, сабелькой играя.

Задача исследователя и состоит в том, что вызывать из забвения такие произведения, как у данного поэта, и давать им вторую заслуженную жизнь, в данном случае также связанную с реалиями прошлой войны...

Борис Шмидт относится к поколению так называемых «комсомольских» поэтов, наподобие справедливо забытых Жарова или Безыменского. А ведь кто когда-то из пионеров не пел «взвейтесь, кострами, синие ночи» и тому подобное... Где теперь те пионеры, хотя синие ночи, понятное дело, остались... Нам Борис Шмидт интересен хотя бы уже тем, что написал о полонезе, вот он, родной:

Полонез Огинского

Ярославу Смелякову

Я слушал шумящий за окнами лес,
И память моя озарялась...

На домре

Огинского полонез

Нам в клубе девчонка играла.

И музыки сентиментальная речь

Души поднимала глубины.

... В дощатом бараке дымящая печь.

Тридцатого года Хибины.

В грохочущем кузове грузовика,

Весь белый в пыли апатита,

Я только вернулся из рудника

И пил кипяток с аппетитом.

Ел глиноподобный, оттаявший хлеб

Той первой моей пятилетки,

Грел руки о кружку,

от дыма не слеп,

Писал, как романы, заметки.

Редактор безропотно стриг их и стриг,

Он был добряком, между прочим.

Лишь рожки да ножки заметок моих

Шли в «Хибиногорском рабочем».

Сиротки, глядели они с полосы,

Среди информации забыты,

На бедного автора и на усы,

Ещё не знакомые с бритвой.

Но в них-то безумно была влюблена,
О чём признавалась в записках,
Московского Линдберга Лёвы жена –
Газеты моей машинистка.

А Лёва был сборищем старых костей,
С эпохой ладивших плохо.
Он тешился пеплом угасших страстей,
Читал Гумилёва и Блока.

А ночью закатывал тихий скандал
На уровне маниакальном,
Но я ни при чём тут,

ведь он обладал

Сокровищем книг уникальных.

Они мне казались нужнее, чем хлеб.

Я с ролью по малости свыкся.

Пусть Лёва – с женой, как Отелло свиреп,

При мне он – смиреннее сфинкса.

Стихи он умел бесподобно читать,

Но крыльев ему не хватало –

Со мною слетать и мою повидать

Офелию Невской заставы.

Буран Заполярья под крышей трубил,

Но жил я в тоске беспечальной,

Любимый,

как больше не буду любим

В тени субтропической пальмы.

То время лишь в памяти может гостить

Цветком голубым незабудки,

А мне на попутных осталось трястись

В дремучую глубь лесопункта,

На сплав ли,

на стройку –

подчас без дорог,

Завидуя ветрам и соснам.

Продрог до костей

и до нитки промок,

Но теплишь надежду,

что есть ещё бог

и дом для приезжего сносный.

А вдруг как в столовой ещё не остыл
Борщок, заперчённый до смерти.
И вот ты невзгоды свои позабыл,
И в клубе сидишь на концерте.

Щемящей тоскою сердца нагрузив,
Но зала покинуть не силясь,
Чуваши и эстонец, карел и грузин,
С пленительной музыкой слились.

И я за платком машинально полез
И дрогнули горестно губы...
Давно разошлись все.

Утих полонез

На сцене рабочего клуба.

Стихотворение 1964 года с ностальгией, понятное дело, по прошедшей молодости... Хотя вряд ли она так была прекрасна, как кажется автору. Думаю, что и названный здесь Лёва с его тоской вряд ли по своей воле на Хибинах оказался, да и многие другие... Многие из указанных здесь людей, не сомневаюсь, родину покинули отнюдь не добровольно, отсюда и их «щемящая тоска», навеянная полонезом.

Напомню, что Ярослав Смеляков, которому посвящено стихотворение и который всем известен и по хорошей девочке Лиде, и по замечательному стихотворению «Если я заболел, к врачам обращаться не стану», дважды побывал в советских лагерях, о чём, впрочем, деликатно умалчивалось до недавнего времени. Он тоже принадлежал романтическому крылу советской поэзии, до конца жизни воспевавшему партию и строящийся коммунизм. И ведь, говорят коммунисты, чуть-чуть не достроили! Но опять помешали очередные враги... Так что и Бориса Шмидта вполне можно понять...

В начале 90-х годов Россию охватила бесовщина, названная красиво Перестройкой. Может, и нельзя было по-другому провести эти реформы, кто знает? А в те годы добровольно ушли из жизни, не выдержав царящей вокруг вакханалии, такие поэты, как Борис Примеров, Иван Лысцов, Юлия Друнина. «Как летит под откос Россия не могу, не хочу смотреть», – написала Друнина перед смертью... Напомню, что ей принадлежат и замечательные стихи о Бресте, например, «В канун войны».

Другие умерли сами в расцвете своих лет и творчества, как Игорь Кобзев. Но остались его дивные стихи, такие, как это:

Полонез Огинского

Кто был Огинский?
Где он жил? –
Не помню. Не неволь.
Не сам он музыку сложил,
Смешав огонь и боль.

Наверно, ангел в мир принёс,
Ночной посол небес,
Тот полный грёз
И полный слёз
Алмазный полонез!

Иль, может быть, через поля,
В разлуке, вдалеке,
Напела песню мать-земля,
Изнывшая в тоске.

А из людей во все года,
При блеске всех светил
Подобных звуков никогда
Никто не находил.

И больше всех
Огинский сам
Был в полонез влюблён:
Его играя по ночам,
Себя измучил он.

Всё отступало: боль, беда,
Глухой чужбины тьма...
Была лишь звуков красота,
Сводящая с ума!..

Владимир Корнилов был в советские времена «опальным» поэтом, исключённым из Союза писателей за публикацию своих произведений за рубежом. Но на так ожидаемые многими перемены откликнулся так:

Полонез Огинского в метро
Тянет флейта горестно и чисто,
Но червонцев не кладёт никто
В кепку дерзновенного флейтиста.

Душит горло, пробирает дрожь...
В суете и спешке перехода

Чувствуешь: безумна до чего
Наша неуёмная свобода.

Взапуски и наперегонки
Обличали всё и разрушали,
И назад не соберёшь куски,
И флейтисту не избыть печали.

Наш – в тысячелетие длиной! –
Марш был сплошь из крови и железа,
И уже гремела над страной
Вместо полонеза «Марсельеза».

Видно, что-то сделали не то,
Облегчая, впали в обнищанье,
Вот и обещает нам в метро
Флейта не прощенье, а прощанье.

Грустны реалии 90-х годов... Тогда россияне пережили своего рода психологический шок, и поэтому флейтисту и не подавали... Так что понять поэта можно... Но не согласиться! Для меня, как профессионального историка, такие выводы как красная тряпка для быка! Тысячелетний путь «из крови и железа»... Во-первых, таким путём шли и другие страны, например, соседняя Германия. Неужели поэт не знает о шестивековом «Натиске на Восток», остановленном только Грюнвальдской битвой? Кстати, эта победа спасла тогда и Русь, ибо двойного удара она бы в 15 веке не выдержала, как, в частности, в те годы и несчастная Византия... И до 17 века Россия вела оборонительные войны, защищаясь от страшного кочевого мира. Да и агрессивного по своей сути Запада. Даже Северная война ставила целью вернуть русские земли в устье Невы, захваченные «миролюбивыми» соседями.

И чем, извините, нацистский режим в Германии лучше сталинского? Мне кажется, что хуже, хотя в неожиданно вспыхнувшей идеологической войне это уже оспаривается... Во-вторых, если бы не Россия, – единственная в мире, из великих держав, христианская страна, – даже, без сомнения, и в советские атеистические времена, – то в мире бы уже не было многих народов, таких, как грузины, армяне. Грузия полтора столетия просилась в состав России, но ведь это означало ещё одну войну с Ираном и Турцией. И только когда в 1795 году персы Ага-хана захватили и полностью уничтожили население Тбилиси, последовало спасительное вмешательство. Вспомним Михаила Юрьевича Лермонтова:

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела

С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.

Была когда-то и Переяславская Рада!.. Россия их спасала по их мольбам, что сейчас умело забыто, особенно в Грузии и Украине. Замечу, что это упрёк не народам, а пришедшим там к власти «элитам»... Как тут не вспомнить библейскую притчу о чечевичной похлёбке! Бог им судья... Впрочем, судя по встреченным мной в последнее время публикациям, можно воспитать и народы в ненависти к России. Например, в школьных учебниках Украины в наше время детям рассказывается о четырёх русско-украинских войнах... А ведь, добавим, если бы не «страшная» Россия, то сейчас в Абхазии не осталось бы ни одного абхаза, а в южной Осетии – ни одного осетина. «Демократическая» же Европа этого бы даже не заметила... Можно по-разному относиться к Путину, но он навсегда, мне кажется, теперь останется в истории как спаситель русского населения Крыма, которого бы в ином случае ждала бы страшная судьба изгнания с огромными жертвами. Это вообще ещё одна загадка России, – удивительное несоответствие внутренней и внешней политики, в других странах не встречаемое! Но я, простите, увлёкся, вернёмся к Огинскому.

В 80-х годах прошлого века образовалось три поэтических «школы»: метаконцептуалисты, метареалисты и метаметафористы. Первые две школы к поэзии отношения не имеют и поэтому до сих пор процветают, получая периодически разные премии. Как их не наградить – хотя бы за пристрастие к ненормативной лексике! Надо сказать, что подобная поэзия очень опасна. Пусть «каждый пишет, как он дышит», – как заметил когда-то Булат Окуджава, но ведь подобные поэты и активно печатаются! И в результате отвратили от любой поэзии многих читателей, ибо наткнётся он, читатель, на подобные стихи и начинает пропускать мимо глаз все остальные... Начинающие же поэты под влиянием разных, извините, Кибировых, а имя им сейчас легион, начнёт им подражать и мир поэзии этим покидает навсегда... Дурные примеры, как известно, заразительны! Метаметафористы же распались, оставшись, впрочем, крупными именами, как, в частности, Игорь Жданов. Приведу его «Полонез Огинского»:

Двенадцать раз
в ночи гремели пушки
Двенадцать залпов – вражеский салют.
Разгромленные армии Костюшко
На площадях оружие сдают.

Отчаянье врывается, слепя, –
 Пожар погас –
 ему не вспыхнуть больше.
 Притихла усмирённая,
 в цепях,
 Запроданная шляхтичами Польша.
 Чужие часовые у стены,
 В пустых домах – холодные камины...
 Шли в эмигранты польские сыны,
 Ненужные бросая карабины.
 У всех застав разъезды и посты,
 Далёко где-то выстрелы звучали.
 Прощая, отчизна!
 Родина, прости!
 Всё врозь теперь – удачи и печали.
 Тоскою задохнувшийся мотив,
 Ночной погони бешеная скачка!
 Плыл полонез,
 тревогу пробудив
 Прощальной песней плачущей полячки.
 Звучал напрасным мужеством сражений,
 И свистом пуль,
 и кляцаньем подков,
 Слепой надеждой,
 болью поражений,
 Смятеньем отступающих полков.
 Солдатской клятвой в верности отчизне,
 Суровой неизвестностью пути...
 Такое пишут
 лишь однажды в жизни,
 Чтоб никогда из жизни не уйти.

Есть, замечу, у Игоря Жданова и стихотворение «Звучи, Шопен!»

Полонез Огинского получил позднее, как известно, название «Прощание с родиной».

Композитор участвовал в восстании Костюшко и после его подавления покинул любимую Польшу, частью которой тогда была и Западная Белоруссия. Он эмигрировал в Италию, затем некоторое время жил в Константинополе. После амнистии 1802 года вернулся в российскую империю, и долгие годы занимал важный пост сенатора. Но позднее, в 1823 году уехал во Флоренцию, где и умер десять лет спустя.

На территории Брестской области до сих пор сохранился канал Огинского, есть и другие памятные с места. С его эмиграцией и связано следующее стихотворение:

Юрий Холопов

Полонез

Трещит свеча над жёлтым эполетом,
 По коридору бродят сквозняки.
 Но входит в память краковское лето
 И греет пальцы зябнувшей руки.
 Ещё не бьют копытом вороны,
 Не рвут, храпя, стальные удила,
 И до утра снежинки голубые
 Не улетят с обмёрзшего стекла.
 Скажи, Огинский, шляхтич благородный,
 Ужель перо страшнее палаша,
 Когда размах неистово свободный
 Рождает изболевшая душа?
 Когда теснятся ноты на бумаге
 И пальцы ищут нервы у октав?
 Когда в боях простреленные стяги
 Несут полки, оружие подняв?
 Последний раз торжественно и горько
 Ласкают руки клавиш белый ряд.
 Храпит твоя заснеженная тройка,
 И бубенцы серебряно звенят.
 Они разбудят гомоном весёлым
 Над Вислою стоящий молча лес.
 И пред убогим сельским частоколом
 Сойдёт на землю гордый полонез.

Отмечу, что в ходе восстаний Костюшко и последующих лет появилась вторая, после ирландской, европейская эмиграция, – польская... Русская эмиграция позднее будет третьей по счёту... И есть что-то привлекательное в этой отчаянной и благородной борьбе за свою свободу, когда польские графы и князья без раздумия жертвовали ради родной Польши своими землями и замками... Хотя ряд наших классиков, например, Пушкин и Тютчев, осудили, например, восстание 1831 года. Замечу, что три польские эмиграции дали миру поразительные судьбы. О сотнях их участников можно писать романы и книги из серии «ЖЗЛ». Да и попавшие в плен в России тоже удивляли мир. Назову Яна Виткевича, служившего

Играет музыкант в подземном переходе
Знакомый полонез в полночный час –
«Прощанье с родиной». И прошлое проходит,
И сердце замирает, не стуча.

Сорок девятый год. Лубянка. Праздник мая,
Заполнил полонез весь следственный отдел,
И слушает тюрьма и мы, тоскою маясь,
О доме и родных, исходе наших «дел».

А полонез Огинского свободно,
Так вольно разливается рекой,
И нам, безвинным, в камере холодной
Дарит забвенье, веру и покой.

Играет мне скрипач в подземном переходе
Прощальный полонез. Дрожит струна.
Боль застарелая как будто бы проходит –
Я ухажу, чтоб не прошла она.

В последние годы от пожилых людей, да и временами от молодёжи часто слышится, что будь сейчас Сталин, то он навёл бы порядок... Они даже не подозревают, какого демона вызывают из ада и какой «порядок» он бы навёл! Порядок кладбища... А ведь, утверждает эзотерика, слова вызывают дела... Так что, как не печально, а приходится об этом всем помнить...

И последнее. Как сказал когда-то Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное». Я и не пытаюсь, а объятное вроде с удовольствием объял! Это я к тому, что, не сомневаюсь, что Огинскому посвятили стихи многие белорусские поэты, особенно в прошедшем – юбилейном – году. Например, Написал такое стихотворение Михась Поздняков, у которого, замечу, есть также стихотворение и о Шопене... Они часто парочкой ходят у ряда поэтов! Приведу его в переводе Анатолия Аврутина:

Скрипачка в подземном переходе

Скрипел мороз... И ветер прыткий
Толкал в подземный переход,
А там тревожный голос скрипки
Всё ждал от публики щедрот.

Купюры мелкие... Подачаки...
Смешки... Футляр... И, боже мой! –

Девчушка, юная скрипачка,
У этой стенки ледяной.

Студил колючий холод руки,
Но голос скрипки не слабел.
Рвались торжественные звуки
Под своды, белые, как мел.

Зачем сюда талант загнала
Судьба?... Здесь мать и перемать.
Ей околдовывать бы залы,
Букеты гордо принимать...

Как мне стоять пред этим взором,
Где тайна высшая небес?..
Спешу уйти... А вслед – с укором! –
Звучит Огинский... Полонез...

Опять подземный переход! Мне кажется, что поэт несколько драматизирует данную ситуацию! Раз мелкие купюры, то это Белоруссия, где, надо отдать должное, «мать-перемать» слышится довольно редко. Это ведь не Россия, где на подобный язык перешли многие, в частности, разного рода бизнесмены. Там теперь даже в таксичках слышится подобная родная речь, ибо они разговаривают по сотовым телефонам и, естественно, автоматически переходят на привычную им лексику! Заговори со мной, чтоб я тебя увидел, – обращался Сократ к своим согорожанам. Многих россиян сейчас спрашивать не надо, и так всё видно! Девушка, скорее всего, зарабатывает на учёбу. А что в переходе, так это даже полезно! Я как-то читал, что сейчас в японском метро поют в вагонах будущие менеджеры разных фирм. Их так приучают не бояться публики... Единственное, что бы посоветовал данной девушке, так это, чтобы рядом были друзья, разного рода приношения собирающие... Букеты же и аплодисменты, надеюсь, ещё у неё впереди...

Кстати, этим летом
Полетят девице
Не купюры эти,
А ничем не хуже
Мелкие монеты...

У самого получилось само собой нескладное стихотворение, почти японская танка!

Есть свой полонез у поэта Виктора Шнипа, приведу его в переводе Бронислава Спринчана:

Баллада полонеза Огинского

Вена и Венеция, Париж...
У дороги – старый тёмный крыж.
Не на нём ли край родной распят?
Даль и высь тоской глаза поят.
Потому что жизнь, как полонез.
Звуками в сердцах оттрепетав,
Иль как дым горящих жухлых трав,
Исчезает в глубине небес.
К солнцу, зная не зная, что умрёт,
Каждая былинка так и прёт.
Пусть травинку заметает снег
Светлый, словно музыка в ночи,
Что в Залесье и в Корнях звучит, –
Снег сойдёт, и прорастёт побег.
Возрождаясь, жизнь идёт везде,
Как Христос спокойно по воде,
По сердцам, которым так нужны
Чудеса, пусть и чужой страны.
Вена и Венеция, Париж.
У дороги – потемневший крыж.
И валун замшелый над тропой.
Мы на нём как вороны с тобой.
И звучит молитвой полонез
Про дорогу, крыж, лазурь небес,
Про судьбу, что ожидает нас.
Время мчит стрелою... В добрый час!
Родина, как пламя, – всё светлей,
Дым горчит, но сладок дух полей,
Нежно овевающий уста.
Мы глядим на крыж, как на Христа,
Он и встретит, и проводит вновь
В мир, в котором есть ещё любовь.

Не сомневаюсь, что есть и другие стихи о великом композиторе.

Приведу последнее из напечатанных в бумажном варианте в моей работе, любезно мне указанное в краеведческом отделе Брестской областной библиотеки

Николай Прокопович

Вяртанне Міхал Агінскі

Раскажы мне, надзея, казку...
У віхуры шляхетны шлейф.
Снегапад падарунак майскі –
Бэз на пяць пялёсткау прышле.

Новы год – дванаццать ударау.
Я прачнуся, калі паміж
Днём мінулым і светлай марай
Стогадова зазые крыж.

Не, не той, ручніком прыбраны,
Што на ускрайку сяла прыціх, –
Той, каторы наканавана
Нам усім да скону нясці.

Пераблытанымі начамі
Ён расце, як горб на спіне,
Да Зямлі у хвіліны адчаю
Невыносным цяжарам гне.

Не зламацца.... Хапіла б сілы
Дачакацца зоркі сваёй, –
І з крыжа вырастаюць крылы,
Каб узняць цябе над зямлёй.

Каб убачыу ты, як праз маскі
Праступваюць твары людзей.
... Раскажы мне, надзея, казку, –
Абнадзей мяне, абнадзей...

Большую «интернетовскую» подборку стихов на данную тему мне также нашли в библиографическом отделе областной библиотеки им. Горького города Бреста, за что спасибо его сотрудникам. Некоторые при первом чтении мне понравились, но при втором почему-то нет!.. Как, например, стихи Владимира Хорошевского или Маши Рутитской... Нашлось же их с добрый десяток... Но три из них я всё же приведу. Насколько мне известно, Вячеслав Шарапов как-то связан с ансамблем «Песняры». Есть у него и стихотворение «Полонез «Прощание с родиной»:

Песня летит как птица вдаль,
Ведь где-то там, в тиши лесной,
Стоит у речки синей дом родной,
Где ждёт меня любимая и верная,
Где тихий мой причал,
И вечером в саду из дома
Слышатся лишь звуки полонеза...

Сон в ночи несёт, несёт к далёким берегам
Моей любви. А там всё так задумчиво и тихо,
Только волны, только свет и облака,
И мы с тобой в руке рука...

Там, на холме – высокий храм,
К нему я в детстве бегал сам.
Любил смотреть в глаза святым на образах,
И ангелы, летая, улыбались в белоснежных куполах
И слышались под сводами чарующие звуки Благовеста...

Боже, храни мой край от бед и невзгод храни,
Не дай позабыть мне, не дай,
Куда мы идём и откуда шли:
И от сохи, и от земли,
И от лугов, и от реки,
И от лесов, и от дубрав,
И от цветущих спелых трав
К своим корням вернуться должны,
К спасению души обязаны вернуться...

Наконец, приведу ещё два белорусских стихотворения на данную тему. Не сомневаюсь, что они были где-то опубликованы, но искать их там – занятие утомительное и, мне кажется, не очень-то и нужное.

Ларыса Сысун

Агінски

Развітацца прыйшлося з табой, краю родны,
У час паўстання, а сэрца хацела,
Каб квітнеючым быу ты, народ твой свабодны,
Толькі у вырай душа адляцела.

Уладанні свае у Маладзечанскім замку
На карысьць я асветы пакінуу,
Уладаром быу апошнім, гісторыі брамку
Зачыніу — з краявідау ён згінуу.

Але памяць нашчадкаў – даужэй за жыццё,
Я вярнуся з далёкай Фларэнцыі,
У слауны горад, туды, дзе штодзень – адкрыццё,
Там, дзе б*ецца мастацтва сэрца.

Моцны дух гартавала, натхняла яно,
Ад часоў старадаўніх да сёння,
Яно сілы дае і п'яніць, як віно,
У палацах пануе, на улонеі.

У песнях матчыных, святах народа майго
Столькі красачак, зорачак ззяе
Кветку-папарац, шчасця надзею свайго,
Ён спрадвечна шукаў і шукае.

Таіса Графімава

«Элегія вяртанне Агінскаго»

Боль шчымлівы па родных мясцінах
Не сцешаць чужыя куткі.
У бельведэр у «Паўночных Афінах
Я, здаецца б, пабег напразткі.

Настальгічныя гукі мелодый
Павядуць па сцяжінках алей.
Соннай сажалкі чыстыя воды
Чоуны-думкі пагоняць далей.

Вось альтанка – сястра адзіноты,
Мосцік, рэчка – вясковы сюжэт.
Я збіраў тут высокія ноты
И складаў свой жыццёвы санет.

Дуб вячысты у радзімым Залессі
У Фларэнцыі мроіцца мне.
Як кружляюць буслы у паднебессі! –
Кожны сумам душу скалане.

... Ён вярнуся з далёкай Фларэнцыі, –
Кампазітар... Паўстанец... Паэт...
Хай у бронзе арлінае сэрца,
Яно б*ецца на цэлы сусвет.

Впрочем, я бы поспорил с поэтеками о страдавшем в Италии от ностальгии композиторе. Второй его отъезд, напомню, был добровольный

– после многих лет, проведённых в Петербурге. И в любой момент он мог, при желании, на родину вернуться... Но дело даже не в этом. Первая половина 19 века – это удивительное время, так сказать, аристократического интернационала и в той же Флоренции жило множество англичан, там же поселился граф Демидов, получивший там титул «князь Донато». Большие польские колонии были во многих городах Европы, включая и Петербург... А какие салоны в Париже содержали русские красавицы-аристократки! Своеобразные же братства, замечу, были в те годы и у художников, особенно в Риме, у писателей, учёных... Было такое же и, вероятно, самое яркое братство у музыкантов.

Тогда музыканты как птицы
Порхали по разным столицам,
Ища себе лучше гнезда...

Замечу, что и Шопену предлагали приехать в Петербург и носились бы с ним, как с писаной торбой, но он отказался по патриотическим соображениям. Русские, что так отрадно, тоже сюда входили на равных и с уважением к ним... Всё это стало рушиться после развязанной зачем-то Европой Крымской войны и постепенно растаяло к концу века... Глупцы в последние годы любят повторять, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым... На самом деле это нормальное состояние исторической науки, например, недавно мне попала статья о фельдмаршале Паскевиче (напомним, что он уроженец Белоруссии и город Гомель хранит память о нём) и его гениальной стратегии во время Крымской войны. Он оставил Крым на произвол судьбы, ибо даже его падение ничего бы в этой войне не решило. Основные же войска находились на западных границах, которым угрожала Австрия, вероятно, за помощь в подавлении венгерского восстания 1848 года! И могла восстать Польша, что и произошло спустя восемь лет... Замечу, что русское общество простило Европе Наполеона, так как Наполеон воевал ещё и с Англией... Но Крымскую войну не простило и не забыло, видя в этом вероломное предательство. И Фёдор Иванович Тютчев произнёс союзникам приговор в следующих строчках:

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Последствия же заигрывания с мусульманским миром мы видим сейчас, и будущее Европы очень печально. «Мечеть Парижской Богородицы» – назвала свой гениальный роман-пророчество Елена Чудинова...

Литература

- Алюшин Виктор. Полонез Огинского. // Советское Приамурье. – 1970. – 26 декабря.
- Вознесенский Андрей. Полное собрание стихотворений в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2012.
- Гандельсман Владимир. Полонез Огинского. // Знамя. – 2007. – № 2.
- Жданов Игорь. Граница света. – М., 1967.
- Кобзев Игорь. Избранное. – М.: Художественная литература, 1985.
- Корнилов Владимир. Полонез Огинского в метро... // Новый мир. – 1994. – № 4.
- Лиснянская Инна. Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1990.
- Поздняков Михась. Скрипочка в подземном переходе. // Наш современник. – 2014. – № 7.
- Прокопович Николай. На кругу свае. – Минск: Мастацкая литература, 1986.
- Реброва Татьяна. Полонез Огинского. // Знамя, 2001, № 12.
- Ревенко Александр. Степная воля. – М.: Советский писатель, 1979.
- Холопов Юрий. Полонез. // Острова тишины. – Тула, 1989.
- Шкляревский Игорь. Неназванная сила. – М.: Советский писатель, 1978.
- Шмидт Борис. Признание в любви. – М.: Советская Россия, 1970.
- Шнип Виктор. Баллада полонеза Огинского. // Бронислав Спринчан. Солнечный вереск. – Минск: Мастацкая литература, 2006.